

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 28 июня по 2 июля 2000г. в г. Улан-Удэ проходила международная научная конференция "Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии", организованная правительством Республики Бурятия, Сибирским отделением РАН, Академией наук Монголии, Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБиТ) РАН. В работе этого представительного форума принимали участие не только ученые Бурятии, но и их коллеги из Москвы, Санкт-Петербурга, других городов России, а также из Украины, Монголии, Китая (Внутренняя Монголия), Японии и США. Работа конференции осуществлялась на заседаниях восьми секций и двух круглых столов, и в общей сложности было заслушано и обсуждено 270 докладов и сообщений.

На пленарном заседании заведующий отделом языкознания ИМБиТ РАН И.Д. Буряев (Улан-Удэ) сделал содержательный доклад о Циркумбайкальском языковом ареале и образовании бурятского языка, в котором обосновал гипотезу своего учителя, замечательного лингвиста В.М. Надеяева, и развил его идеи дальше, тем самым внося новое в традиционную алтаистику.

По программе лингвистических секций было предусмотрено 48 докладов и сообщений. Ряд интересных докладов был посвящен языковым связям. И. Рассадин (Улан-Удэ) в докладе о характере влияния тюркских языков на монгольские языки в разные эпохи, остановился, в частности, на критериях определения тюркизмов в монгольских языках, основанных на учете факторов историко-лингвистического и ареального плана. В сообщении Ж.-Б. Багадурова (Улан-Удэ) о дагурско-бурятских языковых связях были прослежены сходства между тюркскими и монгольскими

языками на фонетическом, лексическом и морфологическом уровнях. О.М. Козина (Улан-Удэ), говоря об отражении влияния кочевой культуры в лексике старообрядцев Забайкалья, рассмотрела своеобразие бытовой, животноводческой и ботанической лексики, а также названий диких животных и птиц в бурятском языке, заимствованных семейскими, опираясь на "Словарь говоров старообрядцев Забайкалья" (1999) и на собственные полевые материалы.

Предметом отдельного обсуждения стали вопросы терминологии и лексикологии бурятского языка. Л.Д. Бадмаева (Улан-Удэ) охарактеризовала сущность терминологии народной и тибетской медицины, показала своеобразие процессов терминологической номинации. Д.Д. Донцова (Улан-Удэ) проанализировала названия бурятских музыкальных инструментов, а В.В. Тэлин (Улан-Удэ) — названия молочных продуктов и блюд у бурят. В обоих докладах приводились этимологии отдельных слов и отмечались заимствования из других языков. Ц.Ц. Бальжинимаев и Б.Д. Бальжинимеев (Улан-Удэ) свой доклад посвятили исследованию того пласта самобытной этнокультурной лексики, который отражает кочевой образ жизни бурят и восходит генетически к древнемонгольскому языку, а ныне переходит в разряд архаизмов и историзмов. О словах-названиях национальной одежды агинских бурят-кочевников рассказала Ц.Б. Базарова (Улан-Удэ), проанализировав специфические наименования сезонной одежды — шуб, халатов и обуви из шкур животных, кожи, меха и войлока.

Бурятская и монгольская топонимика и ономастика были предметом рассмотрения О.Ф. Золотовой (Улан-Удэ) и Л.В. Шулуновой (Улан-Удэ). Говоря об отражении реалий в географических названиях, О.Ф. Золотова среди монгольских топонимов выявила тематические группы

онимических лексем, выполняющих функции геонимов. Л.В. Шулунова, подойдя к ономастике как к источнику этнической истории кочевых цивилизаций Центральной Азии, рассмотрела топонимику и историческую географию Прибайкалья в качестве летописи былых времен.

Несколько докладов было посвящено истории монгольской письменности и грамматологии. К. Т а н а к а (Япония), развивая социолингвистические идеи Б. Барадина, остановился на истории опыта языковой унификации кочевых народов и напомнил о судьбе народностей, растворившихся (ассимилировавшихся) среди крупных народов, и тем самым дал повод для размышлений о современном положении бурятского языка. Как известно, Б. Барадин (1878–1937) в 1910 г. составил на основе латиницы бурятский алфавит, который, по мнению докладчика, можно считать образцом социолингвистического подхода к решению проблем письменности, не утратившим своего практического значения. Ныне же существует тенденция быстрого исчезновения языков малых народностей, и сможет ли деятельность лингвистов замедлить и остановить этот процесс, покажет время.

Л. Б о л д (Улан-Батор), обсуждая вопросы письменности кочевников Центральной Азии, отметил роль и значение монгольского алфавита на основе кириллицы в развитии современного монгольского общества. Д.Д. Д о р ж и е в (Улан-Удэ) обратил внимание на существование как самостоятельных литературных языков старомонгольского, староиратского и старобурятского, а У.-Ж.Ш. Д о н д у к о в (Улан-Удэ) проследил путь становления общемонгольского письменного языка от уйгуромонгольского алфавита до письма на кириллице, высказав мысль, что последнее имеет перспективу стать основой сближения двух родственных народов – монголов и бурят.

В центре внимания многих докладчиков были вопросы грамматики и стилистики монгольских языков. С.М. Т р о ф и м о в а (Улан-Удэ) рассмотрела статус некоторых падежей в монгольских языках: именительного – падежа основы, винительного – оформленного и неоформленного, характерных для алтайских языков. О системе деепричастных форм в доклассическом монгольском языке говорила Т.В. Цыренкова (Улан-Удэ), показав, как сформировались соединительное, разделительное, слитное, условное, целевое продолжительное и предельное деепричастия в исследуемом языке указанного периода. Д.С. Д о р ж и е в а (Улан-Удэ) предложила

первый опыт модельного представления простого предложения как микросистемы. Л.Б. Б а д м а е в а (Улан-Удэ) на основе синтаксического анализа текста хоринских летописей В. Юмсунова (1875 г.), Т. Тобоева (1863 г.) и анонимного автора (1930 г.) рассмотрела сложные синтаксические комплексы, квалифицируя их как полипредикативные единицы. Н.Б. Д а р ж а е в а (Улан-Удэ) предложила опыт исследования бурятских сложноподчиненных предложений на основе новейших достижений лингвистики по синтаксису языков разного типа.

Материалом для рассмотрения в двух докладах стал литературный памятник XIII в. – "Сокровенное сказание монголов". Ю.Д. Б а д м а е в о й (Улан-Удэ) была исследована в нем система наклонений (в сопоставлении с бурятским языком) на основе анализа названного памятника и четырехязычного словаря Мукаддимат ал Адаба, содержащего примеры обиходной речи монголов XII–XIV вв. Синтаксический строй знаменитого памятника проанализировала З.А. Т у м а х а н а (Улан-Удэ), установив историческую преемственность базовых типов синтаксических конструкций.

Нетрадиционные подходы к исследуемому материалу были продемонстрированы в двух докладах, посвященных онимам. Л.А. К о ж е в н и к о в а (Улан-Удэ) исследовала функции онимов в художественных текстах современных монгольских писателей, и ею выявлены поэтонимы на языковом, речевом и сугубо ономастическом уровнях, выполняющие номинативные, грамматические, апеллятивные, коммуникативные, экспрессивные и социальные функции. Е.В. С у н д у е в а (Улан-Удэ) в докладе об онимизации предикативных конструкций в современном монгольском языке рассмотрела личные имена-фразы в формах изъявительного и повелительного наклонений, а также в виде личных и неличных, финитных и нефинитных глаголов, причастий настоящего времени, многократных причастий и условных деепричастий. Например, *Одгийв* "звезда засияла" или *Ирвэл* "если придет" и др., то есть найдены весьма оригинальные примеры, свидетельствующие о неординарности мышления авторов – творцов личных имен.

Принципам классификации частных значений императива в бурятском языке был посвящен доклад Ю.Д. А б а е в о й (Улан-Удэ), в котором затрагивались малоизученные вопросы оценочных высказываний и побуждений.

Несколько докладов касались актуаль-

ных вопросов бурятского и монгольского языков в области социолингвистики, этнолингвистики и истории монгольской филологии в России. В докладах Г.А. Дырхеевой (Улан-Удэ) – о положении бурятского языка в Бурятии – и О.М. Хубрикова (Улан-Удэ) – о состоянии и тенденциях развития бурятского языка – прозвучала тревога по поводу отрицания родного языка бурят и были предложены возможные оптимальные пути преодоления этой негативной ситуации. Ж.Д. Доржиева (Улан-Удэ) посвятила свой доклад перспективам развития бурятской этнолингвистики на примере лексики и терминологии национальной духовной культуры. Доклад В.Э. Раднаева (Москва) был

посвящен изучению научного наследия академика Г.З. Байера (1694–1738), который занимал кафедру древностей и восточных языков в Петербургской Академии наук с 1725 по 1738 г. и которого по праву считают предвестником русского монголоведения, а его изыскания в настоящее время представляют интерес для ученых как раритеты по истории ориенталистики в России.

На конференции были приняты рекомендации лингвистической секции, в которых указаны основные направления бурятского языкознания на современном этапе и намечены его перспективы в будущем.

В.Э. Раднаев (Москва)

27–30 сентября 2000 г. в г. Мартине (Словакия) состоялась Международная междисциплинарная конференция "Переводы Библии, религиозное творчество и духовная песня (западного и восточного обряда) с точки зрения европейского контекста". Организовал конференцию Славистический кабинет Словацкой Академии наук в г. Братиславе при участии Матицы Словенской в г. Мартине. Конференция в г. Мартине продолжает проблематику 3-х предыдущих конференций, организованных Славистическим кабинетом Словацкой Академии наук: 1) О переводах Библии на словацкий и другие славянские языки (Мартин, 1996); 2) Период контрреформации в Словакии в среднеевропейском контексте (Мартин, 1998); 3) Словацко-русинско-украинские отношения (Земплинка Широва, 1999).

Конференцию открыл председатель Словацкого Комитета славистов, директор Славистического кабинета САН проф. Я. Доруля. Он обратился к участникам и гостям конференции с приветственным словом, в котором подчеркнул, что главной целью конференции является изучение языка библейских и религиозных текстов. О важности этой темы свидетельствуют те подготовительные работы по научному изданию Библии на словацком языке, которые ведутся Славистическим кабинетом САН.

Большое внимание на конференции было уделено переводам библейских текстов. Центральное место здесь заняла Камальдильская Библия – первый перевод Библии

на словацкий язык. Этот перевод с латинского языка (Vulgata) был осуществлен в первой половине XVIII в. монахами ордена камальдулов. Научное изучение текста Библии началось лишь в 30-х годах XX в., когда был обнаружен единственный сохранившийся ее экземпляр.

Языку Камальдильской Библии в контексте эпохи был посвящен доклад Я. Дорули (Братислава, Словакия), который охарактеризовал речь образованных слоев словацкого общества XVIII в., в частности католиков, отметил непрерывность процесса развития словацкого языка и место перевода Камальдильской Библии в нем, дал общую характеристику языка перевода (с точки зрения наличия в нем книжных и народно-разговорных элементов). В докладе Е. Красновской (Братислава, Словакия) рассматривались орфографические, фонетические и словообразовательные стороны перевода Камальдильской Библии. В нем, по мнению докладчицы, проявилось стремление к нормализации письменного языка, приближению его к живой разговорной речи. Подтверждается это сравнением рассмотренных уровней языка Камальдильской Библии и двух других текстов того же скриптория – Камальдильского словаря и перевода произведения Блозия "Roy wernég dussi". В. Грегор (Братислава, Словакия) остановился на вопросе о месте и обстоятельствах возникновения перевода Камальдильской Библии. Он полагает, что сама идея полностью перевести текст Библии на словацкий язык возникла у епископа Л. Табасовского (1643–1705). Осуществили же его идею наиболее образованные монахи, преподаватели богословского училища

при монастыре камальдулов. Г. Роте (Бонн, Германия) в докладе "Источники Камальдульской словацкой Библии" пришел к следующим выводам: 1) Монахи Камальдульского монастыря сделали перевод Библии на словацкий язык не для чтения ее широким кругом читателей, но для словацких служителей церкви, чтобы им легче было читать проповеди на родном языке; 2) Основной перевод Камальдульской Библии была Сватоцлавская Библия; 3) Использовался также Кралицкий перевод Библии, но чаще всего образцом для Камальдульской Библии служила древне-чешская Библия; 4) Прямое влияние латинского источника в тексте Камальдульской Библии заметно мало. Т. Пет-р а ш (Лодзь, Польша) обратил внимание на то, что проповеди Александра Мачая, напечатанные в типографии Трнавского университета (1718 г.), явились первой книгой этого жанра на словацком языке. Согласно мнению докладчика язык проповедей относится к периоду так называемого славянизированного чешского языка. А. Шко-ве р о в а (Нитра, Словакия) проанализировала тексты религиозного содержания католического монаха XVIII в. Мокоша, писавшего на словацком языке, сравнила их язык с языком Камальдульской Библии. Я. Д у р и ц а (Братислава, Словакия) остановился на деятельности Антона Ботека, словацкого переводчика Священного Писания. Глаголическим переводам библейских текстов до 1200 г. посвятил свой доклад А. Семеш (Братислава, Словакия). Я. Складана (Братислава, Словакия) сравнила фразеологизмы Камальдульской Библии с фразеологизмами более поздних переводов Библии на словацкий язык. А. Солчанский (Братислава, Словакия) остановился на принципах перевода в этой Библии лексем, обозначающих понятия страха и боязни.

Второй блок докладчиков был сосредоточен вокруг проблемы: "Библейская тематика в духовной песне западного и восточного обрядов". Л. Качиц (Братислава, Словакия) отметил, что в XVII–XVIII вв. библейские тексты использовались как материал для создания духовных песен. В это время, по его наблюдениям, начинается исполнение духовных концертов, а при обработке литургических текстов с ними обращаются довольно свободно. П. Рушчин (Пряшев, Словакия), рассказывая библейские мотивы католических духовных песен, обратил особенное внимание на их тематику, жанры, связь с определенными праздниками. Т. Врблова

(Братислава, Словакия) отметила влияние эстетических требований времени на содержание "трановских" духовных песен, обратила внимание на свободу их интерпретации. Т. Каменска (Банска Быстрица, Словакия) детально проанализировала уровень развития свадебной духовной песни в словацкой римско-католической церкви в сопоставлении ее с библейским текстом. Л. Барто (Пряшев, Словакия), анализируя язык песенника Cantus Catholici (1655) в широком историческом, национальном и языково-культурном контексте эпохи, пришел к выводу, что было бы неверно причислять этот текст к памятникам так называемого славянизированного чешского языка, хотя такая традиция существует в словацкой науке. Более правильно, по его мнению, говорить о языке песенника как о словацком литературном языке старого типа, который функционировал в XVII–XVIII вв. и был кодифицирован А. Бернолаком. П. Шолтес (Братислава, Словакия) связал использование греко-католической церковью восточной Словакии в XVIII в. различных языков с уровнем образования духовных лиц и этнической принадлежностью верующих. По его мнению, влияние латинской культуры усилилось в Словакии XVIII в. из-за нарушения контактов с религиозными центрами восточных славян (Киев, Львов, Почаев). В этот период изменяется также этнический состав жителей восточной Словакии, а византийско-славянский обряд распространялся за пределы ее территории. Доклад П. Женьюха (Братислава, Словакия) был посвящен паралитургическому творчеству византийско-славянского обряда восточной Словакии. Это творчество, созданное на церковнославянском языке украинской редакции, используется здесь при богослужении не только украинцами, но и словаками. Именно словаки, греко-католики, используя церковнославянский язык и кириллическое письмо, внесли в церковную службу этого региона диалектные особенности словацкого языка. Таким образом, по мнению докладчика, данное паралитургическое творчество является естественной составной частью словацкого культурного наследия и принадлежит к словацкому культурно-историческому контексту. Истории духовной песни у восточных славян посвятил доклад Д. Штерн (Бонн, Германия). Докладчик отметил, что жанр духовной силлабической песни возник у восточных славян в начале XVII в. В Московской Руси ему предшествовали в качестве нелитургических песнопений так называемые покаянные стихи. Один из та-

ких стихов "Похвала пустыни Иоасафа" был переработан в середине XVII в. на силлабический лад и бытовал длительное время в устном репертуаре калик перехожих. Данный текст представляет большой интерес. Во-первых, его возникновение и распространение дают редкий пример проникновения великорусского культурного наследия на запад – на Украину и в Белоруссию. Во-вторых, широкое распространение "Похвалы пустыни" иллюстрирует взаимоотношения между письменными и устными поэтическими жанрами. Исследование показало, что устные варианты "Похвалы пустыни" являются прямой переработкой силлабической песни, а не более древнего покаянного стиха. Представляет интерес и вопрос о зависимости "Похвалы пустыни" от популярной древнерусской повести о Варлааме и Иоасафе.

В третьем блоке докладов рассматривался библейский текст в религиозном, литературном и художественном творчестве. Е. Ф р и м м о в а (Братислава, Словакия) сделала обзор рукописных и печатных текстов Библии на словацком языке от Средневековья до настоящего времени. В. Ц ы р и л (Рим, Италия) посвятил свой доклад анализу рукописного творчества представителя закарпатских базилиан Юрия Иоанника Базилевича (1742–1821). Книги этого писателя на латинском языке до сих пор являются основным источником при изучении истории греко-католической церкви в Закарпатской Украине и Восточной Словакии. Особенно внимание уделяется в докладе изучению рукописного "Толкования священной литургии" (780 страниц), в котором содержится текст византийской литургии с комментариями. Этот первый литургический комментарий местного происхождения является важным источником при изучении литургической практики. В докладе Д. Б е н к о в с к о й (Лодзь, Польша) внимание было сосредоточено на определении языковых особенностей польского библейного стиля. Д. Ш к о в ы р а (Братислава, Словакия) представил свой доклад анализу одного из фрагментов гуманистической поэзии словака Яна Боцатуса (1569–1621) на латинском языке. Э. Г л е б а (Пряшев, Словакия) проанализировал религиозную тематику и религиозных героев в народных рассказах. В докладе К. В а в е р ч а к о в о й (Трнава, Словакия) на большом материале было показано, что коммуникативный процесс, результатом которого является интенциональная обработка библейского текста, воспринимаемого в качестве составной части национальной лите-

ратуры для детей и молодежи, состоит из трех этапов: этап прототекста, этап перевода и этап обработки. На оси "автор – читатель" (литературно-коммуникативная модель) важным фактором является религиозность среды адресата (обработка этого типа приближается к персуазивно ориентированному катехизису) или же религиозная нейтральность среды (в таком случае преобладает функция общекультурной информации). Н. Ш а к у н (Минск, Беларусь) сосредоточила внимание на изучении локальной библейской традиции. С этой целью она сравнила Туровское Евангелие и "Слова" выдающегося проповедника Древней Руси XII в. Кирилла Туровского. Туровское Евангелие представляет собой отрывки апракосного евангелия. До нашего времени дошли лишь 10 его листов, которые хранятся в Центральной библиотеке Академии наук Литвы. И.И. Срезневский на основе анализа палеографических и орфографических особенностей датировал этот памятник XI столетием. Позднейшие исследователи связали его с письменной традицией киевского скриптория, однако локализация Туровского Евангелия остается дискуссионной. Сравнение его текста на грамматическом и отчасти лексическом уровнях с текстом, локализация которого сомнений не вызывает ("Слова" Кирилла Туровского), поможет более уверенно говорить о происхождении Туровского Евангелия. В докладе В. Ф р а н ч у к (Киев, Украина) речь шла об использовании текстов и образов Священного Писания в киевском летописании XII в. Как показал анализ, цитаты из конфессиональной литературы встречаются здесь преимущественно в тех фрагментах, которые связаны с именем игумена Выдубицкого монастыря Моисея, составителя и редактора Киевской летописи. Этот начатный книжник, в совершенстве знавший события священной истории, видимо, при редактировании летописи дополнял рассказы исторического плана заимствованными из церковных книг образами и сентенциями. Доклад О. К о в а ч и ч о в о й (Братислава, Словакия) был посвящен характеристике типологии библейских аллюзий и выявлению отличий в восприятии библейских текстов в литературной среде в три переломных периода развития русской поэзии: конец XVIII – начало XIX в., конец XIX – начало XX в., конец XX в. Исходя из знаков, объединяющих все периоды – аналогии в общественной атмосфере, антинормативные принципы эстетических программ, сосуществование разных литературных направлений и группировок, обсуждение вопроса

традиций русской культуры и т д – докладчик определяет в каждом из периодов а) специфику восприятия библейских текстов (как знака общеевропейских и национальных культурных традиций как феномена религиозной жизни как эстетического объекта и т д) б) функцию библейских аллюзий в поэтических текстах (функция

этического идеала функция сюжетного архетипа функция акцентирования традиции и т д) в) специфику и разнообразие функционирования церковнославянской лексики фразеологии а также образности библейских текстов

В Ю Франчук (Украина)